

Резник О. В.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ «СУБЪЕКТИВНОЙ ЭПОПЕИ» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО.

На протяжении всего творческого пути писатель-символист Андрей Белый пытался решить вопрос, который выдвигала сама жизнь начала века – что есть История и как она влияет на сознание личности. Вопрос этот трансформировался в проблему исторического пути России, ставшей для писателя символом и человеческой души, и всего человечества, и даже - Космоса и Вселенной.

Белый сознавал родную страну преемницей духовных ценностей и культурных традиций прошлого, искательницей "последней правды" на земле, провозвестницей грядущего обновления мира. Русского человека писатель видел творцом христианского всепримирения, созидателем братских отношений между людьми. Не секрет, что подобные воззрения генетически связаны со славянофильской концепцией России как хранительницы "вечной истины христианства" (Л. С. Хомяков), а также с прозрениями Ф. М. Достоевского, противопоставившего духовность русского народа – «богоносца» сухому рационализму и эгоизму народов Запада.

Однако в сознании Белого эти идеи сложно соотносились с антропософией Р. Штейнера и философией Вл. Соловьева, с символистскими представлениями о двоemiрии и с учением о "сверхчеловеке" Ф. Ницше. Реалии окружающей жизни и переработка интеллектуального опыта предшественников привели к тому, что в каждом эпическом произведении Белого основополагающими стали категории Востока и Запада, традиционные символы эмоционального и рационального начал, взятые в их соотношении с судьбой родной страны. В каждом конкретном сюжете данные символы наполняются разным смыслом: вначале это были скорее географические понятия - место восхода и захода солнца. Позднее они трансформировались в образ Востока "Бахагават - Гиты" и Золотой Орды, противопоставленный умирающей, загнивающей в мистике и беспредметном философствовании Европе. Впоследствии претворились в бытийные категории, определяющие две ипостаси человеческого существования: материальную и духовную.

Андрей Белый открывает в душе каждого неосознанное стремление к Богу, "забытое", по его мнению, под влиянием повседневности и мелочных страстей. Олицетворением последних становится у писателя человек-зверь, «негр», будто бы живущий внутри каждого из нас. Одолеть его можно, по убеждению Белого, лишь одухотворив разум подлинной верой, христианской идеей. Восторжествовав в душе отдельного человека, эта идея приведет к совершенствованию и страны, и человечества в целом, к преодолению противоречий между Востоком и Западом, как в границах микромира, так и в бескрайности макрокосма.

Структуроорганизующая роль категорий Востока и Запада, их связь с мировой и национальной историей (а в понятие структуры мы вкладываем следующий смысл: "структура художественного произведения в его историческом бытии раскрывается как соотношение, взаимосвязь эстетически значимых величин"ⁱ) обнаруживается не только в отдельных произведениях, но и во всем эпическом наследии автора. Вот почему можно предположить, что проза писателя являет собой некую своеобразную цельность, своего рода "субъективную эпопею", где каждый последующий роман представляет органическое продолжение предыдущего.

В свете вышесказанного логично воспринимать ранние произведения писателя, не включенные им самим в замысел своего главного произведения - трилогии "Восток или Запад" - как пролог "субъективной эпопеи", так как именно в них Белый закладывает не только образную систему, но и идейный фундамент всех последующих романов.

В первую очередь это относится к "Симфониям", в которых автор последовательно проводит ведущий принцип художественного мышления символистов - дуализм: миру реальному противопоставлен мир таинственных, логически непостижимых сущностей. В первой, «Северной Симфонии», Восток тождествен понятию "христианское", а Запад соотносится с тайной и темнотой. Во второй "Симфонии" ("Драматической") Восток выступает символом обновления, а Запад - умирания, тления. В третьей "Симфонии" ("Возврат") Белый обращается к более обобщенным понятиям. История мироздания (а не одной конкретной страны) предстает в виде спирали, когда человек возвращается к младенческой ясности переживаний через очищение страданием. Поскольку разрешение противоречия между двумя полюсами цивилизации Белый ищет в личностной ориентации на христианство, постольку четвертая «Симфония» - "Кубок метелей" - посвящена именно поискам и обретению современниками писателя христианской любви как спасения от пошлости жизни. Так или иначе, но именно категории Истории и Веры приходят в тесное соприкосновение в раннем творчестве писателя - символиста.

Однако если в "Симфониях" эти понятия только обозначены, то в эпопее "Восток или Запад" они получают конкретное воплощение на материале темы города и деревни, а позднее – в отражении процесса поисков отдельной личности.

Первым томом вышеуказанной эпопеи должен был стать роман "о смуте в России" - "Серебряный голубь". Отголоски высказанных во второй "Симфонии" мыслей о естественном христианстве русского крестьянства, об извечном соперничестве города и деревни звучат в этом романе с новой силой. Обращаясь к провинции как носителю врожденной духовности, писатель, однако, видел здесь и брожение сектантских уклонов, что вылилось, в свою очередь, в такое явление, как "распутинщина". Секта рождается как

результат неприятия крестьянами западнической ориентации помещиков, как попытка обрести обновленную, национальную веру - в Дух Свят, взятый, однако, вне Святой Троицы. В итоге оказывается, что формируется жестокая, далекая от подлинного христианства идея, требующая крови и жертв якобы во имя общего блага.

Роман «Петербург» (1912, вторая редакция – 1927) стал второй частью глобального замысла. Продолжая здесь линию исследования национального характера, самобытности России на материале темы города, в котором ему видится источник всех исторических противоречий, Белый развивает до логического конца миф о Петербурге как месте роковом и чужеродном для России. Попытка Петра I перевести страну, испытывающую сильное влияние восточной стихии, с национального пути на путь чужеродный, западный, обернулась, по мнению Белого, грандиозной провокацией. Поэтому революционеры, новые провокаторы, ощущают свою живую и кровную связь не только с самим городом и его основателем, но и с породившим их Западом. В романе Белый явно изменяет свое понимание восточного начала. Если в ранних произведениях "Восток" был синонимичен восходу солнца и свету христианства, в "Серебряном голубе" стал средоточием неуправляемой стихии и дикости, власти тьмы и слепых инстинктов, то в "Петербурге" (под влиянием антропософских воззрений Штейнера и путешествия по Европе и Африке) это понятие включает в себя прежде всего духовное начало как первооснову действительности, а также кодекс самурайства. В свете такой трактовки категории "Восток" в романе проясняется то обстоятельство, что западным городом, олицетворяющим идеальный порядок, правит потомок монголов. Поэтому в трилогии и Восток, и Запад оцениваются как одинаково опасные и угрожающие России, закономерно формируется мысль об их преодолении и обретении своего собственного, особого пути национального развития, прерванного петровской эпохой.

В более широком плане вопрос о возможности для России и русского человека преодоления тяготеющего над ними исторического рока, замыкающего страну в узких и изживших себя границах "Востока - Запада", не дающих возможности духовного возрождения, автор собирался поставить в заключительной части эпопеи, которой предполагал дать многозначительное и символическое название - "Невидимый град". Роман, однако, не был написан. Его «заместили» два произведения - "Котик Летаев" и "Крещеный китаец", являющие собой как бы третий том эпопеи. И в них Белый прилагает историко-философские категории к исследованию человеческой личности. Он справедливо считал, что рациональное и эмоциональное отношение к жизни проникли в глубину сознания не только отдельного человека, но и человечества в целом. Поэтому следующим этапом на пути формирования его концепции Истории становится обращение к процессу становления личности, так как, в первую очередь, именно молодая Россия стоит между восточным и западным «соблазнами». Выход для страны из этого в большей мере психологического, нежели исторического тупика Белый видит в обращении к православию. Маленький герой «Котика Летаева» ощущает себя «распятым» ссорами отца и матери и мечтает об их примирении у его гроба. Интерес представляет тот факт, что Белый воспринимает христианскую веру как врожденную, но забытую под влиянием конкретных исторических обстоятельств. Библейские реминисценции становятся неотъемлемой составляющей романа «Крещеный китаец», где автор пытается воспроизвести русское сознание в образе отца героя. Из представителя восточного, скифского типа тот превращается в личность, демонстрирующую органическое слияние чувственного и рационального начал.

Этот персонаж становится основным героем романа "Москва". Образ "человека синкретического", сочетающего в себе интеллектуализм и практицизм Запада и одержимого необузданными страстями и желанием все четко регламентировать, что было присуще, с точки зрения Белого, Восточной стихии, на определенном этапе развития концепции имел положительную оценку. Однако еще в «Крещеном китайце» писатель замечает ограниченность механического слияния этих двух начал, не одухотворенных светом христианства. Поэтому он подчиняет трилогию «Москва» новому замыслу - изобразить предреволюционную ситуацию через изменение человеческой души. Здесь категории бытийные хоть и присутствуют, но отступают на второй план. Центральными становятся проявления московского быта, что позволяет сделать вывод: в последних романах - "Котик Летаев", "Крещеный китаец", "Москва" - Белый сужает рамки "субъективной эпопеи" до масштаба "исторического романа". Вследствие этого сюжет произведений, составляющих триптих "Москва", можно определить как эволюцию главного героя - профессора Коробкина, оторванного от реалий жизни, как бы упрятого в "коробку" своих научных знаний и самим ходом Истории приведенного к христианской любви и состраданию.

Таким образом, Белый, сознававший теургическую миссию искусства, не только искал пути выхода России из тупика между Востоком и Западом, но и обрел их, проповедуя всему миру не метание между первобытной дикостью и механической цивилизацией, а обращение в себя, поиск первопричин всего сущего в своем сознании и окружающей действительности. Это дает ему возможность мыслить глобальными категориями - не "Россия", а "мир". Поэтому в последнем своем романе "Маски" Белый прибегает к предельной символизации происходящего, заменяя уже знакомым героям фамилии с целью продемонстрировать, как преображают людей новые, переломные обстоятельства рубежа веков. Приключенческий сюжет, повествующий о происках германской разведки, желающей заполучить открытие профессора, постоянно прерывается картинами духовного воскрешения Коробкина и положения на фронте. Всеобщая неразбериха и одиночные поиски истины становятся фоном вновь обострившегося исторического противоречия, поэтому в центре романа - столкновение авантюриста Мандро и профессора Коробкина,

ученого, гуманиста. Для Белого происходящее оказывается не просто частным случаем противостояния буржуазности и христианского идеала или конфликтом между империалистической контрразведкой и российской научной мыслью, а и воистину вселенской катастрофой: отцовская и дочерняя любовь, христианское милосердие и сострадание кажутся ненужными в эпоху косности и мелких страстей, пронизанную ожиданием не внутренней, а внешней перемены. Чтобы подчеркнуть эту мысль, писатель обращается к библейской традиции, придав профессору черты Мессии, мученика, но одновременно и лишнего человека.

Ощущение поворота всей страны от эпохи безвременья к "эпохе зорь" подается Белым на примере Москвы, которая приобретает значение символа всеобъемлющего мещанства и суеты, быстротечности жизни и неумолимого рока. На ее улицах появляются монгольские лица как предвестники "панмонголизма" (Вл. Соловьев), а встреча бывших врагов превращается в соприкосновение двух вселенных (именно так виделась писателю человеческая душа). Поэтому идея самосовершенствования и христианского всепрощения, провозглашенная профессором Коробкиным, в конкретно-бытовых условиях начала первой мировой войны превращается в социальную утопию. Симптоматично, однако, что в финале в пламени взрыва исчезают не только профессор со своим милосердием, но и его противники. Этим сюжетным ходом писатель подчеркивал, что те, кто уничтожает высшие человеческие ценности, губят сами себя.

Таким образом, вопрос, впервые заданный в заглавии предполагавшейся трилогии - "Восток или Запад", адресованный всей России, получал и ответ, неоднозначный и по-своему диалектический: ныне она и есть и Восток, и Запад, но в этом ее историческая трагедия. Быть же ей предстоит чем-то иным: ни Востоком, ни Западом, ни Востоко - Западом (Востоком в Западе или Западом в Востоке), ибо ни в том, ни в другом, ни в третьем случае Россия не сможет обрести своей судьбы, самой себя. Судьба ее, а следовательно, всего человеческого сознания, по Белому, особая. Россия ищет свой специфический национальный выход незаметно для глаза, исподволь, неощутимо для себя самой, но ищет настойчиво. Именно в начале XX века, по мысли Андрея Белого, эти поиски достигли своего апогея. Об этом свидетельствует бурный рост авангардистских литературных течений как в Европе, так и на Украине и в России. Причем в дилемме "или "новый град" или деревня", указанной как идеал мироустройства, Белый выбирает "новый град" - строение человеческой души, духа.

Эта мысль особенно актуальна в настоящее время, когда мы должны "преодолеть" историю, то есть выйти за пределы рока и исторической предначертанности, вновь возвратившись к истокам своей духовности и христианским идеалам.

¹ Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек – М., Советский писатель, 1982. – С.224.